

12+

ДМИТРИЙ ГОЛЯКОВ

Пчеловод

«ГРАНИ МИРОВ»

Дмитрий Голяков

Пчеловод. Грани миров

«Издательские решения»

Голяков Д.

Пчеловод. Грани миров / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Иришка выросла и стала хранительницей — проводницей между мирами. Первый самостоятельный поход за границу оборачивается встречей с древним, забывшим дорогу домой. Она помогает ему — и запускает цепь событий, которые изменят её жизнь навсегда. Потерянные, тени, Хранитель Порядка — все хотят вернуться туда, где их помнят. А Иришка хочет защитить тех, кто рядом. Но иногда защита требует самой высокой цены. У неё есть ученик Егор, верная Малышка и медальон с пчелой, который помнит всё.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пробуждение	6
Глава 2. «Тот, кто проснулся»	18
Глава 3. Лес	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пчеловод Грани миров

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0070-1843-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пробуждение

Иришка проснулась от того, что кто-то смотрел на неё.

Она не открывала глаза — лежала тихо, прислушиваясь к себе. За пятнадцать лет жизни в Погорелке она научилась чувствовать чужое присутствие за версту. Бабка Нюра говорила: это первый признак ведьмы. Обычные люди просыпаются, только когда их тронут. Ведьма просыпается, когда на неё просто смотрят.

— Не притворяйся, — раздался знакомый скрипучий голос. — Всё равно не обманешь.

Иришка открыла глаза. На краю её кровати сидела бабка Нюра и смотрела на неё в упор. Как она попала в дом — отдельный вопрос. Дверь была заперта, окна тоже, а бабка Нюра в свои восемьдесят с лишним лазать по стенам точно не могла. Но она сидела здесь, старая, сморщенная, с вечным платком на голове, и смотрела. В темноте её глаза блестели — не как у старой женщины, а как у той, кто видит то, что скрыто от других.

— Ты чего, баб Нур? — спросила Иришка, садясь. — Случилось что?

Она зевнула и потянулась, косясь на окно. За ставнями ещё было темно — даже петухи не пели. Самая глухая пора ночи, когда обычные люди спят, а ведьмы собираются на Лысую гору. Или, как в случае с бабкой Нюрой, приходят в гости без приглашения.

— Случилось, — сказала бабка Нюра. — Ты выросла.

Иришка усмехнулась. Это она знала и без бабки Нюры. В зеркало смотрелась каждый день — давно уже не та кудрявая девчонка, что впервые переступила порог старого дома у леса. За десять лет учёбы она вытянулась, стала выше матери, плечи развернулись, руки налились силой. Деревенские парни косились, но близко не подходили — знали, с кем имеют дело. Погорельская ведьма, внучка того самого Димы, который когда-то спас деревню от тьмы.

— И что? — спросила она, натягивая одеяло до подбородка. Ночь была тёплая, но от бабки Нюры веяло холодом — не физическим, другим. Тем, что бывает, когда кто-то долго ходит по границе между мирами.

— А то, что время пришло. Одевайся и пошли.

— Куда?

— Ко мне. Разговор есть. Долгий.

Бабка Нюра поднялась и, не говоря больше ни слова, вышла. Дверь за ней даже не скрипнула — хотя скрипела всегда, сколько Иришка себя помнила. Это была не магия — просто бабка Нюра знала, где нажать, чтобы не издать звука. Или, может, магия. С ней никогда нельзя было понять наверняка.

Иришка посидела пару секунд, потом встала и начала одеваться. Спорить с бабкой Нюрой было бесполезно — если она сказала «пошли», значит, пошли. Иришка усвоила это ещё в пять лет, когда впервые пришла к ней учиться. Тогда она думала, что старуха просто вредная. Потом поняла: бабка Нюра никогда не тратит слов зря. Если зовёт — значит, так надо.

Она натянула льняную рубаху, поверх — сарафан, на ноги — кожаные постолы. Волосы собрала в тугую косу, чтобы не мешались. В зеркале отразилась девушка с тёмными глазами, высокими скулами и спокойным, изучающим взглядом. Иришка посмотрела на себя и подумала: «Сколько ещё таких ночей?»

Мать уже хлопотала на кухне. Увидела дочку, нахмурилась. Ирина всегда вставала рано — даже когда не было нужды. Ей не спалось в последнее время, с тех пор как отец начал говорить, что «чуёт что-то». Дима вообще многое чуял — после тех событий, много лет назад, он стал другим. Не колдуном, нет, но чувствительным. Как будто часть той силы, что прошла через него, осталась навсегда.

— Бабка Нюра приходила? — спросила она, помешивая кашу в печи.

— Ага.

— Я так и знала. Чай будешь?

— Некогда. Она ждёт.

Мать вздохнула, но спорить не стала. Она тоже знала: если бабка Нюра позвала, значит, надо идти. Так было заведено в этой семье уже много лет — с тех пор как Дима привёл маленькую Иришку к старой ведьме и сказал: «Научи. Она особенная». Ирина тогда плакала — боялась за дочку. Но Дима настоял. И, как показало время, был прав.

— На, возьми хоть пирожок с собой, — сказала мать, суя в руку тёплый ещё пирог с капустой. — Дорога дальняя.

— Спасибо, мам.

Иришка сунула пирог за пазуху, на ходу откусив кусок. Вкусно. Мать всегда пекла лучше всех в деревне — может, потому, что в тесто любовь добавляла. А может, просто руки золотые.

Она вышла на крыльцо. Солнце только вставало — край неба на востоке розовел, звёзды ещё не погасли. Трава блестела от росы, пахло мятой, чабрецом и чем-то ещё, неуловимым — тем самым запахом утра, который не спутаешь ни с чем. Пчёлы уже гудели в ульях — отец вставал рано, проверял пасеку. Дима сидел на лавочке у крыльца, пил чай из глиняной кружки и смотрел на дочку. Взгляд у него был спокойный, но Иришка знала отца — он волновался. Всегда волновался, когда дело касалось её.

— Бабка Нюра звала? — спросил он.

— Звала.

— Я знал. Держи.

Он протянул ей что-то маленькое, блестящее. Иришка взяла — на ладони лежал медальон. Старое серебро, потускневшее от времени, с выгравированной пчелой на крышке. Пчела была сделана тонко, искусно — каждая прожилка на крыльях, каждое сочленение лапок. Казалось, она вот-вот взлетит. Иришка смотрела на медальон и чувствовала, как по спине бегут мурашки. Она видела его раньше — отец никогда не снимал его в особые дни. Но в руки не давал.

— Что это? — спросила она, хотя уже догадывалась.

— Дедово. Ещё от прадеда. Я его носил, когда ходил туда, куда тебе сейчас идти. Он помогает не потеряться. Во времени, в мирах, в себе. Понимаешь, когда переходишь границу, легко забыть, кто ты и откуда. Этот медальон помнит. И напоминает.

— Ты ходил туда? — Иришка посмотрела на отца с новым интересом. Она знала, что Дима когда-то был проводником, но подробностей никогда не рассказывал. — Куда именно?

— Туда, за границу. Где живут те, кто потерялся. Где спят древние. Где время течёт иначе. Я ходил один раз — с Андреем. Больше не смог. Не хватило сил. А тебе хватит.

Иришка надела медальон на шею. Металл сразу стал тёплым, будто живым. Будто узнал её. Будто сотни лет ждал именно этого момента. Она почувствовала, как по телу разливается спокойствие — глубокое, древнее, уверенное. Медальон говорил с ней. Не словами — ощущением. «Ты не одна, — говорил он. — Мы с тобой. Все, кто носил меня до тебя».

— Спасибо, пап.

— Иди. Она ждёт.

Иришка спустилась с крыльца и пошла к дому бабки Нюры. Не оглядывалась — знала, что отец смотрит вслед. И мать выглянула из окна, крестит её в спину. И Малышка, старая собака, что лежала у калитки, проводила её долгим, понимающим взглядом.

Дорога была знакомой до мелочей. Каждый камень, каждая травинка — всё здесь было родным. Погорелка стояла на краю леса, а дом бабки Нюры — на краю Погорелки, у самой опушки. Старый, покосившийся, с заколоченными ставнями — со стороны казалось, что там давно никто не живёт. Но Иришка знала, что это только видимость. Бабка Нюра умела отводить глаза. Люди проходили мимо и видели руины, хотя внутри было чисто, тепло и пахло травами.

Она толкнула калитку — та даже не скрипнула. Отвод глаз, маскировка, защита. Первое, чему бабка Нюра научила её десять лет назад.

Иришка вошла во двор. Здесь всё было по-другому. Не так, как в деревне. Трава росла сама собой, никто её не косил. Но она не лезла в огород, не мешала — будто знала своё место. В углу двора стояли ульи — не такие, как у отца. Чёрные пчёлы с золотыми полосками гудели тихо, мелодично, не как обычные. Бабка Нюра говорила, что они особенные — из тех, что живут на границе миров. Их мёд лечит всё — от простуды до разбитого сердца.

— Проходи, не стой, — раздалось из дома.

Иришка вошла.

Внутри пахло мятой, смородиной, воском и ещё чем-то неуловимым — тем, что бабка Нюра называла «силой места». Иришка вдыхала этот запах с детства, и каждый раз он действовал на неё одинаково: успокаивал, настраивал, напоминал, кто она есть. Бабка Нюра говорила, что запахи — это память дома. Если дом пахнет правильно, он будет тебя беречь. Если неправильно — лучше уходить.

Сама бабка Нюра сидела за столом, перед ней дымились две кружки чая. В одной — мятный, для Иришки. В другой — какой-то тёмный, почти чёрный, с горьким травяным духом. Старуха пила его маленькими глотками, и от каждого глотка морщины на её лице становились глубже, будто чай не успокаивал, а вытягивал из неё жизнь. Или наоборот — возвращал туда, где она была молодой.

— Садись, — сказала она, кивнув на лавку. — Чай пей. Разговор долгий будет.

Иришка села, взяла кружку, отпила. Чай был горячий, терпкий, с мёдом — тем самым, погорельским, который пчёлы делали на травах, растущих на границе миров. Такой мёд больше нигде не водился. Отец пробовал вывозить его в город — торговцы давали любые деньги. Но Дима не продавал. Говорил, что такой мёд нельзя продавать, можно только дарить. И то не каждому.

— Хороший чай, — сказала Иришка, ставя кружку на стол.

— Бабка моя так заваривала, — ответила Нюра. — И её бабка. Секрет в травах. И в руках. Если руки правильные — любой чай будет лечить. Если нет — даже золотой мёд не поможет.

Она помолчала, глядя в свою кружку. Иришка не торопила. Она знала: бабка Нюра всегда говорит намёками, но в этих намёках всегда есть смысл. Надо только уметь слушать. Ждать. Не перебивать. Десять лет учёбы научили её терпению — главному качеству проводника. Без него никуда. Потерянные не терпят суеты. Они приходят только к тем, кто умеет ждать.

— Сегодня последний урок, — сказала бабка Нюра, поднимая глаза. — Не потому, что я больше не могу учить. Могу. Ещё лет десять могу. А потому, что время пришло.

— Какое время? — спросила Иришка, хотя уже догадывалась.

— Твоё время. Ты готова. Всё, что я знала, я тебе передала. Остальное ты сама узнаешь, когда придёшь туда.

— Куда?

— Туда, куда я ходила. Туда, куда твой отец ходил. Туда, куда всем нам рано или поздно приходится идти. За границу.

Иришка молчала, ждала продолжения. Медальон на груди чуть потеплел — будто одобрял. Или предупреждал. Она ещё не научилась различать его сигналы. Это тоже придёт со временем, как всё остальное.

— Покажи, чему научилась, — сказала бабка Нюра. — Всё сразу. Без подготовки.

Иришка кивнула, закрыла глаза, сосредоточилась. Это было как настраивать старый приёмник — сначала шум, потом писк, потом чистота. Она чувствовала, как сила течёт по жилам, накапливается в ладонях. Не больно — приятно. Как тёплая вода после долгого холода.

Щелчок пальцами — и над правой рукой вспыхнул золотистый огонёк. Небольшой, но яркий, живой. Он танцевал на кончиках пальцев, переливался, дышал. Иришка подержала его

пару секунд, потом погасила. Огонь не обжёт — он был ручным, послушным. Как собака, которая знает своего хозяина.

— Дальше, — сказала бабка Нюра, и в её голосе промелькнуло что-то похожее на гордость. Или на грусть. Иришка не разобрала.

Она представила вокруг себя стену. Прозрачную, но прочную — такую, через которую не пройдёт ни пуля, ни магия, ни зло. Бабка Нюра учила: защита должна быть не просто щитом, а продолжением тела. Как кожа, только крепче. Как кость, только гибче. Иришка потратила на это умение целый год — дольше, чем на всё остальное. Но теперь она могла поставить стену во сне.

Бабка Нюра взяла со стола ложку и запустила в Иришку. Ложка ударилась о невидимую преграду и со звоном упала на пол. Потом вторую — нож. Третью — тяжёлую кочергу из чугуна, которую старуха держала у печи. Кочерга отскочила с глухим стуком, оставив в защите едва заметную трещину.

— Хорошо, — сказала бабка Нюра. — Но кочергу ты должна была поймать, а не отбить. Лучше поймать, чем блокировать. Экономия сил.

— Я знаю, — ответила Иришка. — Но ты кидала неожиданно.

— В бою всегда неожиданно. Продолжай.

Дыхание под водой. Иришка задержала дыхание и мысленно перестроила лёгкие. Бабка Нюра учила: лёгкие — это просто мясо. Главное — вера. Если ты веришь, что можешь дышать под водой, ты сможешь. Иришка верила. Пять минут, десять, пятнадцать. Она сидела с закрытыми глазами, чувствуя, как воздух проходит туда, где его не должно быть. Как будто лёгкие стали жабрами. Как будто тело вспомнило что-то древнее, что умело делать миллионы лет назад.

— Хватит, — сказала бабка Нюра. — Верю.

Иришка выдохнула, открыла глаза. Голова чуть кружилась, но это было нормально — после глубокой концентрации всегда так. Кровь отливает от мозга, потом возвращается с новой силой. Как после долгого сна.

— Чтение мыслей.

Иришка посмотрела на бабушку Нюру, нырнула в её сознание. Обычно она легко читала любого — люди не умели закрываться, их мысли были как открытая книга. Деревенские думали громко и просто: о еде, о работе, о детях, о соседях. Городские — сложнее, но тоже читались. Но бабка Нюра была закрыта наглухо — стена, за которую не пробиться. Иришка упёрлась в неё, попыталась обойти, просочиться — бесполезно. Старуха не просто ставила защиту — она жила в ней, дышала ею, стала её частью.

— Хитрая, — усмехнулась бабка Нюра. — А теперь читай.

Она убрала защиту. Не полностью — приоткрыла, как дверь в тёмную комнату. Иришка скользнула внутрь и увидела.

Увидела себя — маленькую, лет пяти, как она впервые пришла к бабке Нюре с отцом. Дима тогда держал дочку за руку и смотрел на старуху с надеждой и страхом одновременно. «Научи, — сказал он. — Она особенная». И бабка Нюра кивнула, потому что уже тогда знала, что эта девчонка пойдёт дальше всех.

Увидела, как бабка Нюра учила её первым заклинаниям — зажечь свечу взглядом, поднять с земли камешек, отвести глаза соседскому петуху. Как они сидели на этом самом крыльце и пили чай, и бабка Нюра рассказывала про травы, про духов, про границу миров. Как Иришка злилась, когда что-то не получалось. Как плакала от обиды. Как бабка Нюра гладила её по голове и говорила: «Ничего, внучка, у всех так. Со временем всё придёт».

Увидела что-то ещё. Тёмное, далёкое, страшное. То, о чём бабка Нюра никогда не говорила вслух. То, что прятала глубоко внутри, даже от самой себя. Образы, которые не склады-

вались в картинку. Крик, которого не было слышно. Слезы, которых никто не видел. И боль — такая сильная, что Иришка едва не задохнулась.

— Что это? — спросила Иришка, выныривая. Голос дрогнул — она не хотела, чтобы дрожал, но не смогла сдержать.

— Это не твоего ума дело. Пока.

Бабка Нюра поднялась, прошла к печи, помешала угли кочергой. Иришка видела, что у неё дрожат руки — впервые в жизни. Старуха, которая прошла через десятки миров, которая не боялась ни тьмы, ни смерти, теперь стояла у печи и не могла унять дрожь.

— Дальше, — сказала бабка Нюра, не оборачиваясь. — Продолжай.

Иришка сглотнула, взяла себя в руки. Щелчок — и в ладони появилось яблоко. Красное, сочное, будто только что с ветки. Бабка Нюра обернулась, посмотрела, кивнула. Извлечение предметов из воздуха — один из самых сложных навыков. Иришка научилась ему только к двенадцати годам. Бабка Нюра заставляла её доставать яблоки, груши, однажды — живого зайца. Заяц убежал, Иришка полдня его ловила. «Предметы — это тоже мысли, — говорила бабка Нюра. — Всё, что существует, когда-то было чьей-то мыслью. Просто вспомни». Иришка вспоминала. И у неё получалось.

— Отвод глаз.

Иришка встала, отошла в угол, прошептала заклинание. Бабка Нюра посмотрела прямо на неё, потом перевела взгляд на пустой угол — и обратно. Ничего не сказала, просто кивнула. Иришка знала, что это высшая похвала — бабка Нюра не тратила слова на пустое. Если кивнула — значит, отлично. Если промолчала — значит, лучше не бывает.

— Боевая магия, — сказала бабка Нюра. — Покажи, чему научилась.

Иришка вышла во двор. Бабка Нюра за ней. Утро только начиналось, небо на востоке светлело, но в лесу ещё было темно. Иришка развернулась лицом к старой груше, что росла в углу сада. Груша давно засохла, но бабка Нюра не разрешала её спиливать — для тренировок. Слишком много силы было в неё вложено. Слишком много ударов она выдержала.

Иришка выставила руку, сосредоточилась. Сила потекла по венам, собралась в ладони, уплотнилась. Она чувствовала, как воздух вокруг наэлектризовывается, как волосы на затылке встают дыбом. Медальон нагрелся — предупреждал, что удар будет сильным. Иришка не сдерживалась. Бабка Нюра просила показать всё — она покажет всё.

— Бей, — сказала бабка Нюра.

Иришка ударила.

С пальцев сорвался сгусток света — яркий, обжигающе белый. Он ударил в грушу, и та взорвалась. Не просто разлетелась на щепки — взорвалась, будто внутри у неё была бомба. Древесная пыль осела на землю. В воздухе запахло озоном и горелой древесиной. Несколько щепок долетели до крыльца и со стуком упали на ступени.

Иришка опустила руку, тяжело дыша. Откат всегда был сильным — после такого удара хотелось лечь и не вставать. Сила выходила не только из рук, но и из ног, из спины, из самого нутра. Как будто из неё вынули что-то важное и забыли положить обратно.

— Сильно, — сказала бабка Нюра. — Очень сильно. Но медленно.

— Я знаю, — выдохнула Иришка.

— В бою будешь целиться — тебя убьют. Ты должна бить не думая, не целясь. Рефлекс. Как дышать.

— Тренируюсь.

— Тренируйся больше.

Они вернулись в дом. Бабка Нюра снова налила чаю — руки уже не дрожали, лицо было спокойным, будто ничего и не случилось. Но Иришка знала: случилось. Она увидела то, что увидела. И бабка Нюра знала, что она увидела. Этот разговор ещё будет. Не сейчас — позже. Когда придёт время.

— Ты меня всему научила, — сказала Иришка, глядя в кружку. — Огонь, вода, воздух, защита, бой, мысли. Чего ты меня не научила?

— Тому, чему научить нельзя.

— А можно узнать?

— Можно. Сама. Когда придёшь туда.

— Куда?

Бабка Ньюра долго молчала. Потом заговорила — тихо, медленно, будто вытаскивала каждое слово из самой глубины.

— Ты была там, Иришка. Когда маленькая. С отцом, с дядей Андреем. Помнишь?

Иришка помнила. Смутно, как сон. Лес, поляна, огромный олень с золотыми рогами. Свет, тепло, и чувство, что всё правильно. Что она на своём месте. Тогда ей было пять лет, и она не понимала, что происходит. Просто шла за отцом и улыбалась. А потом олень посмотрел на неё — и в его глазах отразились все звёзды мира. Иришка тогда не испугалась. Наоборот — захотелось подойти ближе, дотронуться, узнать. Но отец взял её за руку и сказал: «Не сейчас. Потом». Она заплакала, но послушалась.

— Помню, — сказала она. — Оленя. С золотыми рогами.

— Это был не просто олень. Это был хранитель. Один из первых. Он пришёл попроситься с вашим миром. Вы ему помогли.

— Мы?

— Твой отец и дядя Андрей. Они открыли проход, через который он ушёл домой. Туда, где его ждали. Ты была маленькая, но твоя сила уже тогда чувствовалась. Он тебя запомнил.

Иришка провела пальцами по медальону. Тот был тёплым, спокойным. Она чувствовала, как внутри него пульсирует что-то древнее, сильное. Не живое в обычном смысле — но и не мёртвое. Что-то среднее. Как память, которая стала самостоятельной.

— Там, за границей, не только души, — продолжала бабка Ньюра. — Не только те, кто застрял. Там целые миры. Некоторые спят, некоторые просыпаются. Один из них скоро проснётся. Я чувствую.

— Откуда ты знаешь?

Бабка Ньюра посмотрела на неё долгим взглядом. Иришка увидела в её глазах то, чего никогда не видела раньше — страх. Настоящий, глубокий, выстраданный страх. Не тот, что бывает перед опасностью. А тот, что живёт внутри годами, как червь, который точит душу по ночам.

— Я не всегда была старой, Иришка. Я тоже ходила туда. Много лет назад. И видела то, что видеть не стоило. Но я вернулась. А некоторые не вернулись.

— Кто?

— Не важно. Важно то, что ты сильнее меня. Ты сможешь туда войти и выйти. Ты сможешь помочь.

— Кому?

Бабка Ньюра подалась вперёд, понизила голос до шёпота. В доме стало тихо — даже пчёлы за окном замерли, будто прислушивались. Свеча на столе дрогнула, хотя ветра не было. Иришка чувствовала, как воздух сгущается, становится плотным, почти осязаемым.

— Тому, кто просыпается. Он не злой, Иришка. Он просто забытый. И он хочет домой.

— Как его зовут?

— У него нет имени. Или он его забыл. Он спал так долго, что даже собственное имя стёрлось из памяти. Осталось только желание — вернуться. Туда, откуда пришёл.

— А откуда он пришёл?

— Никто не знает. Даже он сам. Может, из мира, которого больше нет. Может, из времени, которое не наступило. Может, он всегда был здесь, просто спал. Я не знаю. Никто не знает.

Иришка молчала, переваривая услышанное. Медальон на груди нагрелся сильнее — не обжигал, но настойчиво привлекал внимание. «Слушай, — казалось, говорил он. — Запомни-най. Это важно».

— Почему он проснулся сейчас?

— Ты, — сказала бабка Нюра. — И те, кто до тебя. Вы помогали тем, кто застрял. Вы открывали проходы. Ваша сила росла. И он услышал. Сначала как шум вдалеке, потом как голос, потом как зов. Он потянулся к вам. И проснулся.

— Я его разбудила?

— Не ты одна. Но ты — последняя капля. Самая сильная.

Иришка опустила глаза. На неё вдруг навалилась тяжесть — не физическая, другая. Ответственность. Та, о которой бабка Нюра говорила всегда, но которую нельзя понять, пока не почувствуешь сам. Теперь Иришка чувствовала.

— Что я должна сделать?

— Пойти к нему. Узнать, чего он хочет. Помочь, если сможешь. Или остановить, если придётся.

— Остановить? Ты сказала, он не злой.

— Не злой. Но забытый. А забытые иногда творят странные вещи. Не со зла — от отчаяния. От одиночества. От того, что никто не помнит их имени.

Бабка Нюра замолчала, отпила чай. Руки её больше не дрожали — старое спокойствие вернулось. Но Иришка видела: старуха говорит не всё. Что-то осталось за кадром. Что-то важное, что она не решается сказать.

— Ты что-то скрываешь, — сказала Иришка прямо. — Я чувствую.

— Много чего скрываю, — усмехнулась бабка Нюра. — Всю жизнь скрываю. Привыкла.

— Расскажи.

— Не сейчас. Сейчас тебе надо готовиться. Завтра на рассвете пойдёшь.

— Куда?

— В лес. На то место, где когда-то была граница. Сейчас её нет — тьма рассеялась, проходы закрылись. Но ты сможешь открыть. Медальон поможет.

— А что там, за границей?

— Увидишь. Каждый видит своё. Для одного это лес, для другого — пустыня, для третьего — океан. Твоё подсознание выберет форму, которую ты сможешь принять. Не бойся. Что бы ты ни увидела — это не опасно. Пока.

— А что потом?

— Потом ты встретишь Его. И поймёшь, что делать дальше.

Иришка хотела спросить ещё, но бабка Нюра поднялась.

— Иди. Отдыхай. Завтра рано вставать.

— Я не устала.

— Устанешь. Поверь старой женщине.

Иришка встала, направилась к двери. На пороге остановилась, обернулась.

— Баб Нур, а ты его видела? Того, кто проснулся?

Бабка Нюра долго молчала. Потом сказала тихо, почти неслышно:

— Видела. Один раз. Много лет назад. Он был красивым. И страшным. И я испугалась. Не повтори моей ошибки.

Иришка кивнула и вышла.

Солнце уже поднялось над лесом, роса высохла, пчёлы гудели вовсю. Деревня просыпалась — где-то залаяла собака, закричал петух, запахло дымом из печей. Обычное утро в Погорелке. Никто не знал, что сегодня ночью решилась судьба не только этой деревни, но и многих других миров.

Иришка шла домой медленно, обдумывая разговор. Медальон на груди больше не грел — просто лежал, напоминая о себе спокойным, ровным теплом. Как сердце, которое бьётся где-то рядом.

Она зашла в дом. Мать хлопотала у печи, отец сидел за столом, чинил упряжь. Увидел дочку — отложил работу.

— Ну что? — спросил он.

— Завтра ухажу, — ответила Иришка. — В лес. За границу.

Дима помолчал, потом встал, подошёл, обнял.

— Я знал, — сказал он в макушку. — Чувствовал. Ты готова.

— Страшно, пап.

— Правильно. Страх — это не стыдно. Стыдно, когда страх мешает делать то, что надо. Ты не позволишь.

— Не позволю.

— Тогда иди, собирайся. Мать напечёт в дорогу.

Ирина уже доставала из печи пироги, складывала их в чистую тряпицу. Глаза у неё были на мокром месте, но она молчала. Знала — словами не поможешь. Только делом.

Иришка подошла к матери, обняла.

— Я вернусь, мам.

— Знаю, — всхлинула Ирина. — Ты всегда возвращаешься.

Малышка, старая собака, что лежала у порога, подняла голову и посмотрела на Иришку долгим, понимающим взглядом. Будто говорила: «Я с тобой. Куда ты — туда и я».

Иришка погладила её по голове.

— И тебя возьму, старушка. Куда ж без тебя.

Малышка тявкнула и завиляла хвостом.

День тянулся медленно, как смола. Иришка помогала отцу на пасеке, возилась с пчёлами, собирала мёд. Работа успокаивала, отгоняла лишние мысли. Пчёлы гудели, солнце грело, ветер шевелил листву на берёзах. Всё было как всегда — и в то же время по-другому. Будто мир знал, что завтра что-то изменится, и прощался.

Вечером пришла бабка Нюра. Просто так, без зова.

— На вот, — сказала старуха, протягивая маленький узелок. — Травы. Если заболеешь в том мире — завари. Если не заболеешь — всё равно завари. Для профилактики.

— Спасибо, баб Нур.

— И ещё. Медальон не снимай. Никогда. Что бы ни случилось. Поняла?

— Поняла.

— Повтори.

— Не сниму. Никогда. Что бы ни случилось.

Бабка Нюра кивнула.

— Ты сильная, Иришка, — сказала она. — Сильнее всех, кого я знала. Помни это.

— Помню.

— Иди. Завтра рано вставать.

Она поднялась и ушла в сумерки, не оглядываясь. Иришка смотрела ей вслед, пока силуэт не растаял в темноте.

Ночью она почти не спала. Ворочалась, слушала, как дышит мать за стенкой, как похрапывает отец, как Малышка скребёт лапой в поисках удобного места. Мысли лезли в голову одна за другой. Что там, за границей? Какой он — тот, кто проснулся? Справится ли она? Не подведёт ли?

Медальон лежал на груди, тёплый и спокойный. Будто говорил: «Спи. Всё будет хорошо. Я с тобой».

Иришка закрыла глаза и провалилась в сон.

Ей приснился сон.

Она стояла на поляне, той самой, где когда-то видела оленя с золотыми рогами. Только теперь оленя не было. Вместо него в центре поляны лежал огромный камень — серый, гладкий, с выбитыми на нём знаками. Знаки были похожи на те, что Иришка видела в старых книгах бабки Нюры, но она не умела их читать. Слишком древние. Слишком чужие.

Она подошла ближе, протянула руку. Камень был тёплым — как медальон на её груди. Как живой.

— Ты пришла, — раздался голос. Не громкий, но отчётливый. Будто говорил сам камень.

— Кто ты? — спросила Иришка.

— Тот, кто ждал. Долго ждал.

— Чего ты хочешь?

— Чтобы меня вспомнили.

Иришка хотела спросить ещё, но камень начал трескаться. По его поверхности побежали тонкие линии, из них хлынул свет — золотистый, тёплый, знакомый. Такой же, как у медальона.

— Помни, — сказал голос. — Главное — помнить, кто ты.

Камень разлетелся на тысячу осколков, и Иришка проснулась.

Было ещё темно. За окном только начинало светать — край неба на востоке едва заметно розовел. Медальон на груди был горячим — не просто тёплым, а именно горячим, как будто только что из огня. Иришка потрогала его — не обжёгся. Металл был терпимым, но температура явно превышала нормальную.

— Ты тоже это видел? — спросила она шёпотом.

Медальон пульсировал в такт сердцу. Иришка поняла ответ.

Она встала, оделась. В этот раз не спешила — двигалась медленно, обдуманно, как перед дальней дорогой. Надела льняную рубашу, поверх — плотный сарафан из домотканого сукна, на ноги — кожаные сапоги, которые отец сшил специально для неё в прошлом году. Сапоги были удобными, разношенными, в них можно было идти хоть на край света.

На поясе — маленький нож, подарок матери. «Не магия, — сказала тогда Ирина. — Но в хозяйстве пригодится». Иришка тогда улыбнулась, но нож взяла. Теперь он висел на поясе, оттягивая ткань.

Волосы она заплела в тугую косу — чтобы не мешались, чтобы не за что было схватить. Бабка Нюра учила: в бою длинные волосы — это слабость. Иришка не собиралась в бой, но на всякий случай решила быть готовой.

Из кухни тянуло запахом блинов. Ирина вставала затемно всегда, но сегодня — особенно рано. Когда Иришка вышла, мать уже накрывала на стол.

— Садись, — сказала она. — Ешь. Дорога дальняя.

— Спасибо, мам.

Иришка села, взяла блин, откусила. Горячий, с мёдом — тем самым, погорельским. Она закрыла глаза и просто наслаждалась вкусом. Дом. Покой. Тепло. Может, в последний раз.

— Не каркай, — сказала мать, будто прочитав мысли. — Вернёшься.

— Я молчала.

— А думала громко. Я тебя чувствую.

Иришка улыбнулась. Мать действительно чувствовала — не как бабка Нюра, не магией, а материнским чутьём. Это было сильнее любой магии.

Из спальни вышел Дима. Одетый, причёсанный, серьёзный. Он не спал всю ночь — Иришка знала, потому что слышала, как он ворочался. Отец редко показывал свои чувства, но когда дело касалось её — всегда волновался.

— Готова? — спросил он.

— Почти.

- Медальон на месте?
- На месте.
- Не снимай. Никогда.
- Ты уже говорил, пап.
- Повторю. На всякий случай.

Он подошёл, обнял. Крепко, по-мужски, как умел только он. Иришка уткнулась носом в его плечо и постаралась запомнить этот момент. Запах отца — мёд, дерево. Тепло его рук. Ритм дыхания.

- Я вернусь, — сказала она.
- Знаю.
- Ты меня жди.
- Всегда жду.

Она отстранилась, посмотрела на мать. Ирина стояла у печи, вытирала слёзы фартуком, но держалась молодцом. Не плакала — только губы дрожали.

- Мам, ты это... не переживай.

— А кто будет переживать, если не я? — ответила Ирина. — Иди уже. А то я сейчас разревусь.

Иришка поцеловала её в щёку, вышла на крыльцо.

Малышка уже ждала у калитки. Старая, седая, с мутноватыми глазами, но всё такая же преданная. Она сидела и смотрела на хозяйку, будто спрашивала: «Ну что, идём?»

- Идём, старушка, — сказала Иришка. — Пора.

Они пошли к дому бабки Нюры. Утро только начиналось, солнце ещё не взошло, но светало быстро. Птицы уже проснулись, заливались кто во что горазд. Пчёлы ещё спали — Иришка знала, что они просыпаются позже, когда солнце поднимется выше. Всё шло своим чередом.

Бабка Нюра ждала у леса. Она стояла на том самом месте, где они прощались вчера, опираясь на свою клюку. Иришка знала, что клюка не нужна, но молчала — бабка Нюра имела право на свои странности.

- Готова? — спросила старуха.
- Готова.
- Медальон с тобой?
- Да.
- Не снимай. Никогда. Что бы ни случилось. Поняла?
- Поняла. Ты уже три раза говорила.
- И скажу в четвёртый, если надо. Поняла?
- Поняла.

Бабка Нюра посмотрела на неё долгим взглядом. И вдруг сделала то, чего никогда не делала — обняла. Крепко, по-настоящему, как обнимают только самых родных. Иришка ощутила запах старухи — травы, воск, дым, старость. И ещё что-то, неуловимое, что было только у бабки Нюры. Сила. Мудрость. Покой.

— Ты сильная, Иришка, — сказала она в самое ухо. — Сильнее всех, кого я знала. Помни это.

- Помню.
- Иди.

Иришка шагнула в лес.

Лес встретил её тишиной. Не той тишиной, что бывает в погожий денёк, когда птицы поют и ветер шумит в ветвях. Другой — мёртвой, настороженной. Будто всё вокруг замерло и ждало.

Малышка шла рядом, ухо востро. Она тоже чувствовала — шерсть на загривке стояла дыбом, но собака не рычала, не боялась. Только принюхивалась и слушала. Старая, опытная, она знала: в лесу бывает всякое. Главное — не паниковать и держаться рядом с хозяйкой.

Иришка шла знакомой тропой. Туда, где когда-то была граница. Теперь границы не было — тьма рассеялась, проходы закрылись. Но она знала: это не навсегда. Границы не исчезают совсем. Они просто становятся тоньше. Или толще. Или меняют форму. Но они всегда есть — просто не все умеют их видеть.

Медальон на груди чуть потеплел. Иришка остановилась, прислушалась.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала она вслух. — Выходи.

Из-за деревьев выступил Андрей. Почти живой, почти настоящий. Прозрачный чуть-чуть, если присмотреться. Улыбнулся. В его глазах Иришка увидела грусть и радость одновременно. Грусть — оттого, что он уже не совсем здесь. Радость — оттого, что она выросла и идёт своим путём.

— Здорово, племянница.

— Дядя Андрей. Я думала, ты там.

— Я и там, и тут. Проводить тебя до границы.

— Она есть?

— Для тебя — будет.

Они пошли дальше. Андрей молчал, Иришка тоже. Медальон грел грудь, успокаивал, напоминал, что она не одна. Малышка шла сзади, иногда поглядывая на прозрачную фигуру, но не боялась. Собаки вообще редко боятся того, что не могут понять. Они просто принимают.

— Бабка Нюра сказала, там кто-то проснулся, — сказала Иришка, когда лес стал редеть.

— Правда.

— Кто он?

— Не знаю точно. Никто не знает. Он старше всех, кого мы встречали. Старше тьмы, старше этих лесов, старше самого времени.

— Он злой?

— Нет. Он просто хочет домой.

— А где его дом?

— Там, откуда он пришёл. А откуда он пришёл — никто не помнит. Даже он сам.

Иришка подумала об олене, которого они с отцом отпустили много лет назад. Тот тоже хотел домой. Только помнил куда. Этот не помнил ничего — только желание. Может, это хуже. А может, лучше. Не помнить — значит, не страдать.

— Я помогу, — сказала она.

— Знаю. Поэтому он тебя и позвал.

Они вышли на поляну. Ту самую, где когда-то стояла граница. Теперь здесь был просто лес, просто трава, просто небо. Но Иришка чувствовала: что-то изменилось. Воздух дрожал, будто в жару, хотя было холодно. И пахло не лесом — чем-то чужим, далёким, древним. Пахло так, как пахнет старый камень в пещере, куда тысячи лет не ступала нога человека.

— Дальше я не пойду, — сказал Андрей. — Там начинается твоё.

— Что там?

— Не знаю точно. Что-то большое. Оно зовёт тебя.

— Откуда знаешь?

— Оно всех зовёт, кто слышит. Ты слышишь сильнее всех.

Иришка посмотрела вперёд. Там, за поляной, воздух дрожал сильнее, складываясь в причудливые узоры. Медальон на груди горел ровно, уверенно. Малышка прижалась к её ноге — не от страха, от поддержки.

— Я пойду, — сказала Иришка.

— Иди. Я буду здесь. Если что — кричи.

— А если не услышишь?
— Услышу. Я теперь всегда слышу.
Иришка шагнула в дрожащий воздух.
Мир перевернулся.

Глава 2. «Тот, кто проснулся»

Она упала на траву.

Не на ту траву, что в Погорелке — другую. Густую, синеватую, пахнущую незнакомыми травами. Небо над головой было фиолетовым, и на нём висели две луны — одна большая, оранжевая, другая маленькая, голубоватая. Они светили странно, не как привычное солнце или луна, а будто изнутри, разливая по миру мягкий, призрачный свет.

Иришка лежала на спине и смотрела в это небо несколько секунд, пытаясь понять — она спит или всё происходит наяву. Слишком уж нереальным казалось происходящее. Слишком ярким, слишком чужим. Но медальон на груди был горячим — не как во сне, а как настоящий металл, нагретый солнцем. И трава под ладонями была настоящей — холодной, влажной, с капельками росы, которых не могло быть во сне.

— Ничего себе, — прошептала Иришка.

Она села, огляделась. Малышка приземлилась рядом, отряхнулась по-собачьи и замерла, принюхиваясь. Старая собака не паниковала — она вообще редко паниковала, слишком много повидала на своём веку. Только уши настороженно торчали в разные стороны, и нос шумно втягивал воздух, пытаясь разобрать этот новый, чужой запах.

Вокруг был лес. Тоже не такой, как дома — деревья выше, толще, с корой, переливающейся серебром. Листья на них были синие, красные, золотые — сразу все цвета, будто художник разлил краски. Иришка никогда не видела таких деревьев даже на картинках в бабкиных книгах. Они росли не так, как обычные — не прямо вверх, а как будто закручивались, образуя причудливые спирали. Некоторые ветви касались земли и снова уходили вверх, создавая арки и тоннели.

Тишина стояла звенящая, но не мёртвая — живая, внимательная. Где-то вдалеке пела птица, но голос у неё был странным — не как у соловья или зяблика, а глубоким, горловым, похожим на человеческий шёпот. Где-то журчала вода — может, ручей, может, маленький водопад. Иришка прислушалась — вода здесь тоже звучала иначе, будто каждая капля падала в пустоту, а не в реку.

Малышка тявкнула — коротко, предупреждающе. Иришка встала, отряхнулась. Медальон горел теплом, но не обжигал — просто напоминал, что она здесь не одна.

— Ты пришла, — раздался голос.

Иришка обернулась.

Из-за деревьев вышел Он. Не человек. Не зверь. Что-то среднее — огромное, выше самого высокого дерева, но при этом лёгкое, почти прозрачное. Оно не касалось земли — его ноги, если это были ноги, парили в нескольких вершках над травой. Оно светилось изнутри мягким золотым светом, но не ослепительным, а приятным, как свет от печи в зимний вечер.

Глаза — два озера, тёмных и глубоких, в которых отражались все звёзды этого мира. Иришка смотрела в них и видела не просто отражение — она видела целые галактики, мириады солнц, бесконечную череду миров, которые проходили перед этим существом за долгие века его сна. В его взгляде не было угрозы. Было только любопытство и какая-то древняя, усталая мудрость.

Иришка смотрела на Него и не чувствовала страха. Только удивление и любопытство. И ещё — странное чувство узнавания. Будто она уже видела Его когда-то, очень давно, в другом времени, в другой жизни. Медальон на груди пульсировал в такт сердцу, и этот ритм совпадал с пульсацией света, исходящего от существа.

— Ты кто? — спросила она. Голос не дрожал. Бабка Нюра учила: страх — это нормально, но нельзя показывать его тому, кто сильнее. Иначе он почует слабинку и подчинит.

— Я был здесь всегда, — ответил Он. Голос шёл отовсюду сразу, но не давил, не пугал. Он был тихим, как шум леса, и глубоким, как подземная река. — Я спал. А теперь проснулся.

— Почему?

— Ты позвала.

— Я?

— Ты и те, кто до тебя. Вы помогали тем, кто застрял. Вы открывали проходы. Ваша сила росла. И я слышал. Сначала как шёпот, потом как голос, потом как крик. Я потянулся к этому звуку. И проснулся.

Иришка подошла ближе. Малышка пошла за ней, но держалась чуть сзади — на всякий случай. Собака не рычала, но и не расслаблялась. Старая, умная, она чувствовала, что это существо не опасно, но инстинкт говорил: осторожность не помешает.

— Ты злой? — спросила Иришка прямо.

Он улыбнулся. Улыбка была тёплой, как у бабушки, как у бабки Нюры в редкие минуты, когда она позволяла себе быть просто старой женщиной, а не ведьмой и хранительницей. Его лицо — если это можно было назвать лицом — сморщилось в добрых морщинах, и на мгновение Иришка увидела в нём кого-то знакомого. Кого-то, кого она знала всю жизнь, но не могла вспомнить.

— Нет. Я просто забытый. Мой дом был здесь. Потом пришли другие. Они заняли моё место. Я ушёл в сон. А теперь не могу вернуться.

— Куда?

— Туда, откуда я пришёл. Туда, где мои.

— А где это?

Он покачал головой. Огромная голова, увенчанная чем-то похожим на корону из света, двинулась медленно, печально. Свет вокруг него померк на секунду, будто воспоминание о доме причиняло боль. Иришка почувствовала эту боль — она разлилась в воздухе, густая и тяжёлая, как туман перед рассветом.

— Не знаю. Потерял дорогу. Слишком долго спал. Моя память стёрлась, как старая надпись на камне под дождём. Я помню только ощущения — тепло, свет, голоса. Но не помню лиц. Не помню имён. Не помню, как туда вернуться.

Иришка подумала. Медальон на груди грел, подсказывал, направлял. Она чувствовала, как нити — те самые, которые бабка Нюра учила её видеть — тянутся от этого существа в разные стороны. Одни нити были яркими, почти ослепительными — они вели в прошлое, в те времена, когда Он ещё помнил свой дом. Другие — тусклыми, обрывающимися на полпути — они вели в никуда, в пустоту. Третьи — пульсировали в такт сердцу, будто ждали, когда их заметят.

— Я могу помочь, — сказала она. — Я умею ходить между мирами.

— Знаю. Поэтому позвал.

— Что нужно делать?

— Найти проход. Тот, что ведёт домой. Он где-то здесь. В этом мире, в этом лесу. Но я не могу его увидеть — слишком долго спал, глаза отвыкли. Моё зрение приспособилось к темноте сна, а теперь свет слепит. Я вижу только то, что прямо передо мной. А проход — он всегда сбоку. Всегда там, где не ждёшь.

Иришка кивнула.

— Я поищу.

Она закрыла глаза, сосредоточилась. Бабка Нюра учила её видеть не глазами — нутром. Чувствовать время, пространство, грани. Это было как нырять в глубокую воду — страшно сначала, а потом привыкаешь. Вода смыкается над головой, и ты уже не боишься, потому что понимаешь: ты можешь дышать здесь. Ты можешь жить здесь. Ты можешь видеть здесь.

Медальон вспыхнул.

Иришка увидела.

Их было много. Сотни, тысячи тонких нитей, тянущихся в разные стороны. Они переплетались, расходились, снова сходились, создавая невероятную паутину, раскинутую на весь мир. Одни нити были яркими, живыми, другие — тусклыми, почти исчезнувшими. Иришка никогда не видела столько нитей сразу. Даже у бабки Нюры в самые сильные моменты их было меньше.

Она шла по ним взглядом, как по дорогам.

Вот одна нить — тёплая, золотистая. Ведёт в Погорелку. Иришка узнала её по знакомому запаху — мёд, трава, дом, мамины пироги, папины руки, бабка Нюра с её вечным чаем. Нить пульсировала ровно, спокойно — там всё хорошо. Родители живы, здоровы, ждут её. Иришка на мгновение задержалась на этой нити, впитывая тепло, и пошла дальше.

Вот другая — серая, тяжёлая. Тянется туда, где когда-то была тьма. Пахнет гарью, болью, смертью. Иришка отвернулась — туда не надо, там давно уже никого нет, только память о том, что было. Тьма ушла, но след остался. Как шрам на теле мира. Он никогда не исчезнет полностью, но можно научиться жить с ним.

Вот третья — пустая, белая. Ведёт в никуда, в пустоту. Такие нити обрывались, не доходя ни до какого мира. Наверное, там когда-то что-то было, но умерло, исчезло, забылось. Иришка пожалела их — те миры, которых больше нет. Она чувствовала их боль, их тоску, их бесконечное одиночество.

А одна нить светилась особенно ярко.

Она была не золотая, как домашняя, и не серая, как мёртвая. Она была всех цветов сразу — переливалась, пульсировала, жила своей жизнью. Тянулась куда-то далеко-далеко, за пределы видимого, за пределы того, что Иришка могла представить. Эта нить была толще всех остальных — в неё были вплетены тысячи других нитей, как будто она была главной дорогой, от которой отходили все остальные.

— Туда, — сказала она, открывая глаза. — Там твой дом.

Он смотрел на неё с надеждой. Огромный, древний, светящийся — а в глазах надежда, как у ребёнка, который потерялся в лесу и вдруг увидел знакомую тропинку. В этом взгляде не было величия древнего существа — была только простая, человеческая тоска по дому. Иришка почувствовала, как у неё сжалось сердце.

— Ты уверена? — спросил Он.

— Медальон показывает. Он не ошибается.

— Что это за медальон?

— Подарок отца. Его дед носил, потом отец, теперь я. Он помогает не потеряться во времени и в мирах.

Он посмотрел на медальон долгим взглядом. И вдруг Иришка увидела, как в Его глазах что-то мелькнуло. Узнавание. Не просто взгляд на красивую вещь — а глубокая, древняя память, которая вдруг проснулась после тысячелетнего сна.

— Я знаю этот знак, — сказал Он. — Пчела. Это древний символ. Очень древний. Старше меня, даже. Те, кто носил его, были хранителями. Не просто проводниками — хранителями равновесия. Они отвечали за то, чтобы нити не путались. Чтобы миры не сталкивались. Чтобы потерянные находили дорогу.

— Мой дед был хранителем. И отец. И я теперь.

— Хороший род, — кивнул Он. — Сильный род. Я чувствую в тебе их всех. Они с тобой. Их голоса звучат в твоей крови, их сила течёт по твоим венам. Ты не одна, маленькая хранительница. Никогда не была одна.

Иришка улыбнулась. Она тоже чувствовала — иногда, в самые трудные моменты, когда она закрывала глаза и прислушивалась к себе, она слышала голоса. Не словами — просто при-

сутствием. Дед, прадед, те, кто жил до них, кто тоже носил этот медальон. Они не говорили — они просто были рядом. Как тихий шёпот ветра. Как тепло земли под ногами.

— Веди, — сказал Он. — Я пойду за тобой.

Иришка пошла по нити.

Нить вела через лес.

Но это был не просто лес — это был лес забытых снов. Иришка поняла это не сразу, но чем дальше они шли, тем отчётливее чувствовала: вокруг не просто деревья и трава. Вокруг — чьи-то мысли, чьи-то воспоминания, чьи-то надежды, так и не сбывшиеся.

Она видела их краем глаза. Тени, мелькающие между стволами. Лица, появляющиеся и исчезающие в листве. Голоса, шепчущие что-то на незнакомых языках. Иногда эти голоса звучали громко, почти оглушительно, и тогда Иришка слышала целые истории — чьи-то жизни, чьи-то радости и печали, чьи-то мечты, так и не воплотившиеся в реальность.

— Что это? — спросила она.

— Сны, — ответил Он. — Все сны, которые когда-либо снились людям, зверям, птицам. Они стекаются сюда. Я их хранил.

— Все?

— Все. Каждую ночь миллиарды существ видят сны. А утром забывают. Но сны не исчезают — они приходят сюда. Я их хранил тысячи лет. Они жили во мне, как пчёлы в улье. Я был их домом.

— Зачем?

— Чтобы они не пропали. Чтобы у каждого сна был дом. Даже самый страшный сон заслуживает места, где его будут помнить.

Иришка шла и смотрела по сторонам. Вот пробежал мальчик, смеясь — наверное, ему снилось что-то хорошее. Вот прошла женщина в белом, печальная — может, её сон был грустным. Вот промчался всадник на коне, вот пролетела птица с человеческим лицом, вот проплыла рыба в воздухе, будто в воде.

Каждый сон был уникальным. Каждый — маленькая жизнь, прожитая за одну ночь. Иришка чувствовала их всех — их радость, их боль, их надежды. Это было почти невыносимо — столько эмоций сразу. Но медальон помогал, фильтровал, не давал захлебнуться в чужой памяти.

— Красиво, — сказала Иришка.

— Красиво, — согласился Он. — Но грустно. Они все хотят домой. Как и я. Каждый сон мечтает вернуться к тому, кто его видел. Но это невозможно. Сны не возвращаются. Они остаются здесь навсегда.

— А разве это не их дом?

— Нет. Их дом — там, где их видели. Здесь они только гости. Вечные гости, которые не могут уйти.

Иришка задумалась. Медальон на груди грел ровно, уверенно. Нить вела дальше, через лес снов, через поляны, через ручьи с водой, пахнувшей чем-то забытым. Иногда они проходили мимо мест, где сны собирались в стаи — сотни, тысячи маленьких светящихся точек, кружащихся в хороводе. Иногда мимо мест, где сны лежали неподвижно, как мёртвые — наверное, это были сны тех, кто уже ушёл из жизни.

Они шли долго. Иришка не знала, сколько времени прошло — в этом мире время текло иначе. Может, час. Может, день. Может, год. Медальон не показывал время, только дорогу. А дорога была длинной.

Но наконец они вышли к месту, где нить обрывалась.

Перед ними была стена.

Не каменная, не деревянная — световая. Переливающаяся всеми цветами, пульсирующая, живая. Она уходила вверх до самого неба и в стороны до самого горизонта. Иришка никогда не видела ничего подобного. Эта стена была не просто преградой — она была живым существом. Она дышала. Она думала. Она ждала.

— Здесь, — сказала Иришка. — Проход здесь.

Он смотрел на стену и молчал. В его глазах Иришка увидела страх и надежду одновременно. Страх — перед неизвестностью. Надежду — на то, что за этой стеной действительно есть дом. Он ждал этого момента тысячелетиями. А теперь, когда момент настал, он боялся сделать шаг.

— Что там? — спросила она.

— Дом, — ответил Он. — Я чувствую. Там мои. Там тепло. Там свет. Там голоса, которые я забыл, но которые ждут меня.

— Почему же ты не войдёшь?

— Не могу. Проход закрыт. Видишь?

Иришка присмотрелась. Стена была не сплошной — в ней виднелись тонкие трещины, через которые сочился свет. Но войти в них было невозможно — слишком маленькие. Даже муха не пролезет. Но эти трещины были живыми — они пульсировали, меняли форму, дышали. Может, они могли стать больше.

— Надо открыть, — сказала она.

— Как?

Иришка подумала. Медальон горел, подсказывал. Она вспомнила, чему учила бабка Нюра: «Границы открываются силой. Но не той, что убивает. Той, что любит».

— Ты должен захотеть, — сказала она. — Очень сильно. Сильнее, чем хочешь дышать.

— Я хочу. Тысячу лет хочу.

— Мало. Надо сейчас. Здесь. В этот момент. Не просто хотеть — быть этим желанием. Стать им.

Он закрыл глаза. Иришка видела, как свет вокруг него заколебался, как напряглась каждая его частица. Он хотел. Так, как не хотел никогда. Его желание было таким сильным, что воздух вокруг задрожал. Трава под ногами начала светиться. Сны в лесу замерли, прислушиваясь.

Стена дрогнула.

Трещины стали шире. Из них хлынул свет — тёплый, родной, зовущий. Иришка почувствовала запах — знакомый, но не с чем не сравнимый. Пахло домом. Не её домом — его. Тем местом, где он родился, где жил, где его ждали тысячи лет.

— Иди, — сказала Иришка. — Сейчас.

Он открыл глаза, посмотрел на неё. Взгляд был благодарным. В нём не было ничего, кроме чистой, искренней благодарности. И ещё — грусти. Потому что прощание с тем, кто помог, всегда горькое.

— Спасибо, маленькая хранительница. Я не забуду.

— Иди. Тебя ждут.

Он шагнул в проход. Свет поглотил его — и стена сомкнулась.

Тишина.

Иришка стояла одна перед пустым местом, где только что была стена. Малышка ткнулась носом в колено. Собака скулила тихо, будто чувствовала, что хозяйке нужна поддержка.

— Ушёл, — сказала Иришка.

Малышка тявкнула.

— И нам пора домой.

Обратная дорога была легче.

Нить, ведущая в Погорелку, светилась ярко, звала, тянула к себе. Иришка шла быстро, почти бежала. Ей хотелось домой. К отцу, к матери, к бабке Нюре, к своим пчёлам, к своему лесу. Там, в Погорелке, всё было простым и понятным. А здесь — слишком много чужих снов, слишком много чужой боли.

Лес забытых снов провожал её шепотом. Тени махали руками, лица улыбались. Казалось, они знали, что она сделала, и благодарили. Какой-то маленький сон — похожий на светлячка — подлетел к ней, коснулся щеки и улетел. Иришка почувствовала тепло — наверное, это был чей-то хороший сон. Может, ребёнка. Может, влюблённого.

Граница встретила её знакомым холодком. Иришка шагнула — и мир перевернулся обратно.

Она стояла на поляне. Той самой, где оставила Андрея.

Он сидел на пенёчке и ждал. Увидел — улыбнулся. Его прозрачная фигура стала ещё прозрачнее — может, он уставал от долгого пребывания в этом мире. Может, его время подходило к концу.

— Живая.

— Живая.

— Получилось?

— Получилось. Он ушёл домой.

Андрей кивнул, будто иначе и быть не могло. Он не сомневался в ней ни секунды. С того самого момента, как Дима привёл маленькую Иришку к бабке Нюре, Андрей знал: эта девочка сделает то, что не смогли они. Проведёт тех, кто потерялся. Откроет проходы там, где они были закрыты.

— Пойдём. Тебя заждались.

Они пошли через лес. Теперь он был обычным — сосны, берёзы, птицы поют. Иришка вдыхала знакомый запах и чувствовала, как уходит напряжение. Тело ныло от усталости, но на душе было легко.

— Три дня, — сказал Андрей. — Ты была там три дня.

— А мне показалось — несколько часов.

— Там время другое. Быстрее или медленнее — зависит от мира. В том мире, где ты была, время другое. Три дня здесь — несколько часов там.

Они вышли к Погорелке, когда солнце садилось за лес. Иришка увидела знакомые крыши, знакомые улы, знакомое крыльцо. На крыльце сидел Дима. Он вскочил, увидев её, рванул навстречу. Иришка побежала к нему.

— Папа!

— Живая! Живая, дурында!

Он обнимал её, целовал в макушку, не верил своим глазам. Ирина выбежала из дома, бросилась к ним, заплакала. Она не плакала при Иришке никогда — всегда держалась. Но сейчас не выдержала.

— Три дня, — повторяла она. — Три дня, Иришка! Я тут с ума сошла.

— Всё хорошо, мам. Я вернулась.

Вечером собрались все. Бабка Нюра пришла сама, без зова. Принесла травяной чай и мёд. Сидели на крыльце, пили чай, слушали. Иришка рассказывала. Про лес забытых снов, про древнего, который хотел домой, про стену, про проход. Бабка Нюра слушала и кивала.

— Правильно сделала, — сказала она. — Не убивать, а проводить. Ты настоящая хранительница.

— А ты? — спросила Иришка. — Ты же тоже ходила. Кого ты проводила?

Бабка Нюра помолчала.

— Никого, — сказала она наконец. — Я не смогла. Испугалась. И он остался там. Навсегда.

— Кто?

— Не важно. Давно было. Другое время, другая я.

Иришка хотела спросить ещё, но бабка Ньюра поднялась.

— Поздно уже. Спать пора. А ты, Иришка, завтра приходи. Ещё учить буду.

— Чему? Я же всё умею.

— Всё никто не умеет. Приходи.

Бабка Ньюра ушла в темноту. Иришка смотрела ей вслед и думала, что старуха скрывает больше, чем говорит. Но расспрашивать не стала — всему своё время.

Дима обнял дочку.

— Я горжусь тобой, — сказал он.

— Я знаю, пап.

— Медальон не снимай. Он теперь твой.

— Не сниму.

Они сидели на крыльце до темноты. Смотрели на звёзды, слушали пчёл. Малышка лежала у ног и довольно поскуливала во сне — наверное, ей снились сны. Те самые, что теперь остались без хозяина. Но это было не страшно. Сны умели жить сами.

Глава 3. Лес

На следующее утро Иришка ушла.

Она встала затемно, когда отец с матерью ещё спали. За окном было черно — даже петухи не пели, только редкая звезда мерцала в просвете между тучами. Иришка бесшумно оделась, стараясь не скрипеть половицами. Старый дом знал каждую её привычку, но сегодня он будто нарочно скрипел громче обычного, словно не хотел отпускать.

Она надела медальон. Металл был холодным — но как только коснулся груди, сразу начал нагреваться, привыкать, вспоминать. Иришка сунула за пазуху краюху хлеба, которую мать испекла ещё вечером, и флягу с водой. Бабка Нюра учила: в пути всё может пригодиться. Хлеб, вода, нож, сухие травы. И медальон. Остальное придёт само.

Малышка уже ждала у калитки. Старая собака стояла неподвижно, только хвост медленно вилял — она знала, что сегодня особенный день. Не просто прогулка в лес, а что-то большее. Что-то, что она чуяла своим старым, мудрым носом за версту.

Иришка подошла к спящим родителям. Мать спала на боку, подложив руку под щеку, — во сне она выглядела молодой, без обычной усталой складки между бровями. Отец лежал на спине, тяжело дыша — ему снилось что-то тревожное, но Иришка не стала читать его мысли. Не хотелось знать.

Она поцеловала мать в лоб, прижалась щекой к отцовской руке. Дима даже во сне чувствовал — рука дрогнула, сжалась, будто хотела удержать. Но он не проснулся. Или сделал вид, что не проснулся, чтобы не усложнять прощание.

— Я вернусь, пап, — прошептала Иришка. — Обещаю.

И вышла.

Утро было свежим, роса ещё не сошла — она блестела на каждой травинке, на каждом листе, превращая двор в сверкающее море. Пчёлы только начинали просыпаться — редкие разведчицы кружили над ульями, пробовали крылья после ночного холода. Воздух пах мятой, мёдом и ещё чем-то неуловимым — тем самым утренним запахом, который не спутаешь ни с чем.

Всё было как всегда — и в то же время по-другому. Будто мир прощался с ней. Будто каждый лист, каждая травинка, каждая пчела знали, что она уходит туда, откуда не все возвращаются. И желали ей удачи по-своему — тихо, без слов.

Бабка Нюра ждала у леса. Старуха не спала всю ночь — Иришка видела это по её глазам. Красные, воспалённые, но зоркие — такие глаза бывают у тех, кто долго смотрел в темноту и увидел там то, что другим не дано. Бабка Нюра стояла, опираясь на свою клюку, хотя Иришка знала — клюка не нужна. Старуха передвигалась без неё быстрее любой молодой. Но клюка была символом, напоминанием — себе и другим — что она старая, немощная, неопасная. Отвод глаз в чистом виде.

— Готова? — спросила старуха. Голос у неё был хриплым — может, от бессонницы, может, от волнения.

— Готова.

— Медальон с тобой?

— Да. — Иришка коснулась груди. Металл был тёплым, спокойным.

— Не снимай. Никогда. Что бы ни случилось. Поняла?

— Поняла.

Бабка Нюра посмотрела на неё долгим взглядом. Таким долгим, что Иришка почувствовала — старуха видит не её, а кого-то другого. Себя молодую. Ту, которая когда-то так же стояла на краю леса и не знала, вернётся или нет.

И вдруг бабка Нюра сделала то, чего никогда не делала — обняла. Крепко, по-настоящему, как обнимают только самых родных. От неё пахло травами, воском и старостью — тем особенным запахом, который бывает только у очень старых людей. Иришка замерла на секунду, потом обняла в ответ.

— Ты сильная, Иришка, — сказала бабка Нюра в самое ухо. — Сильнее всех, кого я знала. Помни это.

— Помню.

— Иди.

Иришка шагнула в лес.

Лес встретил её странной тишиной. Птицы молчали, ветер не шевелил ветви, даже насекомые замерли. Будто всё вокруг затаило дыхание, наблюдая за ней. Тропа, знакомая до последнего корня, теперь казалась чужой — деревья стояли иначе, свет падал под другими углами, воздух был плотным и тяжёлым.

Малышка шла рядом, прижимаясь к ноге. Шерсть на её загривке стояла дыбом, но собака не рычала. Только изредка поскуливала — тихо, тревожно. Старая, умная, она чувствовала то, чего не видели глаза. И ей это не нравилось.

Иришка шла вперёд, туда, где когда-то была граница. Где много лет назад отец с Андреем открыли проход для оленя с золотыми рогами. Теперь границы не было — тьма рассеялась, проходы закрылись. Но бабка Нюра сказала: «Для тебя — будет». Значит, будет.

Медальон на груди потеплел. Сначала чуть-чуть, потом сильнее. Иришка остановилась, прислушалась к себе. Где-то рядом было что-то знакомое. Не человек — память.

— Выходи, — сказала она негромко. — Я знаю, что ты здесь.

Из-за сосен выплыл Андрей.

Андрей парил рядом, чуть впереди, указывая дорогу. Иришка шла за ним, стараясь ступать бесшумно, хотя под ногами то и дело хрустели сухие ветки. Малышка держалась сзади, настороженно поводя ушами.

— Ты его видел? — спросила Иришка, когда они миновали очередную рошу старых сосен. Голос в мёртвой тишине леса прозвучал слишком громко, и она тут же понизила его до шёпота. — Того, кто проснулся.

— Видел, — ответил Андрей. Он не обернулся, но Иришка заметила, как напряглась его прозрачная спина. — Один раз. Много лет назад.

— И какой он?

Андрей надолго замолчал. Они прошли ещё несколько десятков шагов, прежде чем он заговорил снова. Иришка не торопила — знала, что такие вещи не рассказывают на бегу.

— Представь, что ты стоишь перед горой, — сказал он наконец. — Только гора эта дышит. У неё нет лица, но она смотрит на тебя. У неё нет рта, но она говорит с тобой. Не словами — мыслями. Картинками. Ощущениями.

— И что она говорит?

— Ничего. Она просто... есть. Ты чувствуешь её присутствие каждой клеткой. И понимаешь, что ты — ничто. Песчинка. Листок на ветру. А она была здесь до тебя и будет после.

Иришка поёжилась. Не от холода — в лесу было тепло, даже душно. От того, как Андрей это сказал. От его голоса — тихого, почтительного, будто он до сих пор боялся, что тот, о ком он говорит, услышит.

— Он опасен? — спросила она.

— Не знаю. — Андрей наконец обернулся. Его прозрачное лицо было серьёзным, без обычной лёгкой усмешки. — Бабка Нюра говорит, что нет. Что он просто хочет домой. Но я видел, что бывает, когда кто-то слишком долго хочет. Желание становится липким, как смола. Оно притягивает. Засасывает. Не отпускает.

— Ты про себя?

— И про себя тоже. — Андрей усмехнулся, но усмешка вышла грустной. — Я хотел вернуться к вам. К отцу, к матери, к тебе. Хотел так сильно, что остался между мирами. Не живой, не мёртвый. Просто... висящий. Как тот камень на поляне.

— Какой камень?

— Увидишь. Скоро.

Они снова замолчали. Лес вокруг становился всё более странным. Сосны, которые росли здесь испокон веков, теперь казались Иришке чужими — их кора была слишком тёмной, иголки — слишком длинными, а запах — незнакомым. Будто кто-то подменил деревья, пока она не смотрела.

Малышка забеспокоилась. Она то забегала вперёд, то возвращалась, то останавливалась и принюхивалась к воздуху. Шерсть на её загривке стояла дыбом, но собака не рычала. Только поскуливала тихо, тревожно.

— Она чувствует, — сказал Андрей. — Собаки всегда чувствуют границу раньше людей.

— А ты?

— Я тоже. Но я чувствую иначе. Не запахом — памятью. Здесь каждый шаг напоминает мне о том, чего я лишился.

Иришка хотела спросить — о чём именно? — но не стала. Не время. Не место. Андрей сам расскажет, если захочет.

Они вышли на поляну неожиданно — лес просто расступился, и вот она, круглая, ровная, будто кто-то выжег её гигантским огнём. Трава здесь не росла. Только чёрная земля, серая пыль и камни. Много камней — маленьких, острых, разбросанных по всему полю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.